

Июльский номер нашего журнала почти целиком отдан теме нотариата. О важности ее распространяться излишне, приведем только один красноречивый факт. Уже в наше время была опубликована переписка Ульянова-Ленина с наркомом юстиции Курским, в которой предводитель большевиков вопрошал: «Не пора ли поставить на очередь вопрос об уничтожении документов частной собственности: нотариальные акты о землевладении, фабриках, недвижимости, и прочее и так далее. Подготовить тайно, без огласки. Захватить сначала... Бумаги, по-моему, надо бы в бумажную массу превратить (технически это изучить заранее)». Курский соглашался: «Мера нелишняя и может быть проведена быстро, так как нотариальные архивы в наших руках». Далее «Ильич» снова настаивал, что делать это следует «тайно».

К счастью, его варварский план не осуществился, хотя многое и погибло. Но сам факт, что большевики лелеяли подобные планы, уже можно считать своего рода признанием важности нотариата, ибо он подчеркивает, сколь велика была роль нотариуса в обществе, возросшем на частной собственности. Оттого неудивительно, что и поныне не утихают споры о том, каким быть нотариату и быть ли ему вообще. Как вы сможете увидеть из интервью и работ, представленных в этом номере, по данному вопросу звучат самые разные мнения: одни авторы не видят необходимости что-либо менять в нотариальной системе России, другие выступают за те или иные реформы вплоть до полного отказа от нотариальной деятельности. Сложно представить, как при обилии столь разноречивых взглядов можно будет достигнуть если не согласия, то хотя бы компромисса.

Из интервью министра юстиции России К.А. Чуйченко, которое открывает этот номер журнала, можно узнать, что планируется множество изменений не только в сфере нотариата, но и в судебном представительстве, третейском правосудии, адвокатской и экспертной деятельности. Такая реформаторская активность министерства вызывает желание пристальнее взглянуть на роль органов юстиции в формировании правовой действительности страны. Министерство юстиции сделалось двигателем многообразных реформ, его значение повышается. Этот факт, сам по себе отрадный, заставляет среди прочего задуматься и о том, какой должна быть оптимальная модель управления юридической сферой. Нужны ли тут изменения? Ведь у нас в разное время бывало по-разному: так, при монархии министр юстиции был и генеральным прокурором (как, кстати, в современных США), а сейчас деятельность прокурорская и деятельность Министерства юстиции разделены; до 1917 года министр юстиции обычно именовался «главой судебного ведомства», поскольку тогдашний Минюст теснейшим образом взаимодействовал с судебной системой, чего в настоящее время мы не видим. Зато нотариат и адвокатура до 1917 года состояли именно при судах и под их надзором в отличие от современных порядков. Если эта тема вызовет отклик у авторов и читателей, мы можем обсудить ее в будущем на страницах журнала.

А в этом номере мы постарались представить всю палитру мнений относительно планируемой реформы нотариата и надеемся, что это позволит читателям, не посвященным глубоко в проблематику, почувствовать всю остроту дискуссии.